

МАСАИ ТАНЗАНИИ: ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НА ОХРАНЯЕМОЙ ПРИРОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ НГОРОНГОРО*

Марина Львовна Бутовская
Руслан Олегович Бутовский

Аннотация. Рассмотрены проблемы устойчивого развития и традиционного природопользования в условиях охраняемой природной территории Нгоронгоро на примере масаев, одного из скотоводческих народов Северной Танзании. Проводится сравнение с сегодняшними хозяйственными практиками масаев на не охраняемой территории Лолиондо, непосредственно примыкающей к Нгоронгору. Описана история конфликтов и предложены пути решения с учетом мирового и российского опыта. Показано, что при условии грамотного планирования и скоординированных действий администрации природоохранных территорий и местных племен возможно сохранение ценных местообитаний и ландшафтов.

Ключевые слова: Танзания, масаи, Нгоронгоро, Лолиондо, земельные конфликты, устойчивое развитие

Введение

В настоящее время на Земле проживают около 5 тыс. народов, ведущих племенной образ жизни и занимающихся традиционным природопользованием. Их общая численность составляет около 300 млн человек. В единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (с учетом изменений на 25 августа 2015 г.) включено 47 групп общей численностью около 270 тыс. человек, преимущественно проживающих на севере европейской части Российской Федерации, в Сибири и на Дальнем Востоке. Территории, на которых коренные народы занимались охотой, рыболовством и скотоводством и занимаются до сих пор, потенциально могут служить базой для традиционного природопользования (Транин 2010: 7). Федеральный закон РФ от 7 мая 2001 г. № 49 «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» гарантирует право на создание территорий традиционного природопользования (ТТП) и прямо указывает, что одной из целей образования ТТП является «сохранение на территориях традиционного

---

* Материалы для этой статьи собраны при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-06-00223а.

природопользования биологического разнообразия» (Федеральный 2001). Целью закона является вывод территорий традиционного природопользования из гражданского оборота, в том числе из купли-продажи, наследования, дарения, аренды, что обеспечит сохранность этих земель для будущих поколений общины. Традиционное природопользование предполагает традиционные виды деятельности, в том числе оленеводство, морской зверобойный и охотничий промыслы, рыболовство, собирательство дикоросов; основу подобных этноэко-систем составляют устойчивые этнические коллективы, связанные совместным использованием земель, общим трудом и расселением на определенной территории (Крупник 1989: 8; Каганский, Родоман 1995: 2; Калущков 2000: 5).

Наиболее тесную связь с культурными ландшафтами имеют два типа охраняемых территорий: национальные парки и природные парки. Национальные парки имеют более строгий режим охраны, чем природные, являются объектами федерального значения, финансируются из федерального бюджета и включают территории, имеющие особое значение для сохранения уникальных природных объектов и представляющие историческую и эстетическую ценность. Предназначением природного парка как регионального объекта является не только охрана природы, но и использование территории в рекреационных и социокультурных целях. В природных парках разрешается развивать в большей степени хозяйственные функции, связанные с рекреацией, туризмом, учебно-просветительской деятельностью (Шульгин 2007: 152). Значительная часть национальных и природных парков имеет культурную составляющую, и их территория может рассматриваться в качестве исторических или современных культурных ландшафтов.

Сегодня в нашей стране, в местах традиционного проживания коренных народов, предпринимаются активные усилия по восстановлению традиционного природопользования в рамках природных парков (новообразованных и ранее существующих). Так, с 1990-х гг. в Ханты-Мансийском округе (ХМАО) реализуются два основных направления в природоохранной деятельности: расширение сети особо охраняемых природных территорий и формирование системы родовых земель, принадлежащих коренным жителям. В 1998 г. на территории ХМАО были образованы три природных парка, два из которых располагаются на традиционных землях хантов и представляют этнографические территории («Нумто» и «Кондинские озера»). Это, как правило, территории приоритетного традиционного природопользования (Меркушина, Новиков 1998: 30). Одним из интересных примеров целенаправленного исследования по восстановлению традиционных ландшафтов является работа, проводимая в рамках разработки стратегии развития Кенозерского национального парка. Программа восстановления местных ландшафтов практически направлена на сохранение традиционного приро-

допользования и традиционной культуры проживающего здесь старожильческого русского населения, восстановление культурного ландшафта Русского Севера (Шульгин 2007: 164).

Однако следует отметить, что в РФ реализация закона о ТТП сталкивается с рядом проблем, в основе которых лежит его недостаточная проработанность: земли коренных народов рассматривались, прежде всего, как земли для ведения традиционной хозяйственной деятельности, однако отсутствовали нормативно-правовые акты, направленные на охрану биологического разнообразия данных территорий с участием самих коренных народов. В итоге многие так называемые родовые угодья или их части различными способами ушли под промышленное освоение ресурсов недр (Транин 2010: 9).

Одним из вариантов решения проблем традиционного природопользования коренных малочисленных народов, известным в международной практике, является сочетание отдельных видов особо охраняемых природных территорий и территорий традиционного природопользования. В одних случаях, как в США и Канаде, они включены в состав национальных парков, биосферных резерватов и др., в других, как в России, коренные малочисленные народы «ожидают» нормативных актов правительства о создании территорий традиционного природопользования. В ряде многонациональных и многоконфессиональных стран (в число которых входит Россия) имеется ряд специфических проблем взаимодействия с местным коренным населением по поводу сохранения традиционного образа жизни и традиционного природопользования, а также создания особых условий при разрешении возможных конфликтов между коренными народами и природоохранными интересами государства (Indigenous and traditional people... 2000: 6).

Положительным примером такого консенсуса также можно считать парки в Северной Швеции. Речь идет о Лаппонии, территории площадью 9 400 км², которая включает четыре национальных парка и расположена в провинции Норрботтен. Здесь проживают 200–250 саамов, которые держат 30–35 тыс. голов северного оленя *Rangifer tarandus*. Саамам разрешено выпасать оленей на частных и государственных землях общей площадью 160 тыс. км² в северных горах. Права саамов защищены законом, причем действующий Акт об оленеводстве 1971 г. предоставляет им исключительные права на землю, воду, охоту и рыболовство, включая использование моторизованных средств передвижения. Однако эти права распространяются только на 2 тыс. саамов (из 17 тыс.), которые занимаются традиционным оленеводством (Indigenous and traditional people... 2000: 71).

Поиск оптимальных путей решения вопросов природопользования с учетом интересов коренных малочисленных народов – проблема мирового масштаба. Для ее решения требуется хорошее знание климатиче-

ских и экологических особенностей региона, специфики традиционного природопользования коренных народов данной территории. Не последнюю роль играет юридическое законодательство, ограничивающее или расширяющее права местного населения на природные ресурсы.

В рамках данной статьи мы рассмотрим конфликтную ситуацию, сложившуюся в двух сопредельных популяциях масаев, одного из коренных скотоводческих народов Танзании. Первая из них проживает внутри природоохранной территории Нгоронгоро, а вторая – на сопредельной территории Лолиондо. Территории сходны в климатическом отношении, однако в первом случае вопросы природопользования жестко регламентируются режимом природоохранной территории, а во втором хозяйственная деятельность определяется рамками общегосударственного земельного кодекса. Будут показаны факторы, лежащие в основе конфликта между масаями и властью, а также представлены возможные пути выхода из кризисной ситуации. Нам представляется, что результаты данного исследования позволят шире взглянуть на саму проблему устойчивого развития природоохранных территорий и практик проживания на них коренных народов.

Коренные этнические группы Танзании

В Танзании насчитывается около 130 этнических групп, которые в основном относятся к языковым группам банту (бэнуа-конголезская языковая семья), кушитам (афразийская семья), нилотам (восточно-суданская семья) и хадзане (койсанская семья). Несмотря на то что многие народы Танзании считают себя коренными, только четверем из них удалось самоорганизоваться в борьбе за права, а именно: охотникам-собираателям акие и хадзабе и скотоводам масаи и датога.

По некоторым данным, в Танзании проживают 430 тыс. масаев, 88 тыс. датогов, 1 тыс. хадзабе и 5 тыс. акие (IWGIA 2016a: 421). Несмотря на различия в образе жизни, все они ощущают привязанность к своей земле, свою идентичность, уязвимость и маргинальность. Танзания проголосовала в 2007 г. за Декларацию ООН о правах коренных народов, но до настоящего времени не признала факта существования таких народов на своей территории. Поэтому в настоящее время какая-либо конкретная национальная политика или законодательство, защищающее права коренных народов, отсутствуют. На этом фоне властями продолжают разрабатываться различные законодательные акты, стратегии, программы, которые не учитывают интересы коренных народов и их права на землю и природные ресурсы. Нехватка юридической грамотности у представителей коренных народов и тенденция к перераспределению земельных ресурсов в пользу крупных корпораций с местным и международным участием приводят к усилению социального и

политического давления как на скотоводов, так и на охотников-собирателей (426). Хадза, датоба и масаи частично проживают на территории Нгоронгоро, но в этой статье мы детально остановимся на анализе взаимоотношений лишь между масайской общиной и природоохранными структурами Нгоронгоро. Выбор масаев не случаен. Они являются наиболее многочисленной группой, проживающих в Нгоронгоро, численность масаев неуклонно растет, а вместе с ней и численность поголовий скота. Это создает реальную угрозу для природных ландшафтов (вытаптывание и деградация степных территорий, изменение видового состава экосистемы), существования диких животных, прежде всего копытных, а в отдаленной перспективе – и для самой природоохранной территории в целом. Практически все конфликты в Нгоронгоро происходят между масаями и администрацией природоохранной территории. Масаи хорошо организованы, уверены в своем праве на земельные угодья и намерены активно его отстаивать. Хадза и датоба не представляют реальной проблемы для Нгоронгоро ввиду малой численности, территориального расположения (по границам природоохранной территории), а также низкой скорости воспроизводства.

Исследования проводили в Нгоронгоро, преимущественно в районе поселка Эндолен, во время полевых выездов 2016 (январь, август) и 2017 г. (февраль, август). Основными методами работы являлись включенное наблюдение и углубленные неструктурированные интервью. Интервью проводили на суахили (Марина Бутовская) и на маа (полевой ассистент, этнический масай).

Масаи сегодня

Масаи являются одним из наиболее известных (брендовых) коренных народов Танзании. Встретить представителей этой этнической группы возможно практически во всех регионах страны, как в городах, так и в сельской местности. Они предпочитают внешне подчеркивать свою идентичность, используя традиционную одежду, украшения, прически и атрибуты (копья, палки, *асегаи*, *ориинга* и пр.). В современной Танзании бросаются в глаза отчетливая коммерциализация самого бренда «масаи» и осознанная эксплуатация его для достижения личных (групповых) коммерческих выгод, связанных с развитием этнотуризма в Восточной Африке, что иногда приводит к феномену ряженных масаев из числа представителей других этнических групп. Отношение к масаям в Танзании со стороны соседних этнических групп характеризуется выраженной полярностью – от неприятия до неприкрытой зависти.

В местах своего исконного проживания масаи продолжают вести традиционный образ жизни: повседневный быт, хозяйство, социальная организация, религиозные практики мало изменились по сравнению со

второй половиной XX в. (Coast 2001: 78, 129, 135; Tarayia 2004: 187, 200–201). Таковыми являются масайские поселения в Нгоронгоро, в частности поселок Эндолен.

Фото 1. Масайский дом в Эндолене. Фото Р.О. Бутовского, январь 2016 г.

Полигамия продолжает практиковаться, хотя среди масаев активно ведется миссионерская деятельность. Христианские священники предпочитают не затрагивать эту тему. По нашим данным (август 2016 г.), у местного *лайбона* (масайский традиционный религиозный лидер) было 64 жены и более 100 детей, ряд старейшин имели до 30 жен. Однако тенденция к снижению воспроизводства все же намечается. Мужчины более молодого возраста (30–40 лет), особенно получившие среднее образование и крестившиеся, имеют одну жену.

Фото 2. Масайская свадьба в католической миссии. Фото М.Л. Бутовской, август 2016 г.

Количество детей у женщины связано с уровнем ее образования: молодые женщины, окончившие среднюю школу, имеют меньше детей, чем их сверстницы, не посещавшие школу.

Фото 3. Масайские женщины на праздновании обрезания.
Фото М.Л. Бутовской, июнь 2017 г.

Фото 4. Мораны с девочками-подружками на праздновании обрезания.
Фото М.Л. Бутовской, июнь 2017 г.

Земельные конфликты в Северной Танзании

На сегодняшний день тенденция к снижению уровня благосостояния скотоводческих коренных народов имеет общемировой характер. Со всей очевидностью она прослеживается и в Восточной Африке, и, в частности, в Танзании. Одной из ведущих причин сложившейся ситуации следует считать отсутствие у скотоводов четкого представления о праве собственности на землю. Как правило, подавляющее большинство скотоводческих сообществ не располагает документами, подтверждающими общинное право собственности на земельные ресурсы, и в условиях возникновения земельных споров не может грамотно отстаивать свои интересы. В современных условиях это приводит к открытым конфликтам между скотоводами и более грамотными в данном отношении переселенцами-земледельцами, получающими от местных властей документы, подтверждающие официальное право собственности на конкретный земельный надел. Поскольку в земельном кадастре общинные права на данную территорию, как правило, официально не прописаны, то, следовательно, любые судебные тяжбы решаются в пользу нового владельца, а дальнейшее пребывание скотоводов на этой территории признается незаконным.

Земельные конфликты между государством и скотоводческими группами Северной Танзании также имеют давнюю историю. Колониальные власти еще в конце XIX – начале XX в. экспроприировали плодородные земли в районе г. Килиманджаро и г. Меру под агрофермы европейских поселенцев. В 1951 г. был создан Национальный парк Серенгети. Все масаи, проживавшие до этого на равнинах Серенгети, были переселены на сопредельные территории Нгоронгоро (Homewood, Rodgers 1991: 69). На протяжении многих лет большие территории, отчужденные от скотоводов на развитие сельского хозяйства и национализированные в 1970-х гг., теперь представляют зоны конфликта. Например, компания NAFCO приватизировала участок 400 тыс. га (ныне заброшенный) для выращивания канадской пшеницы, что сопровождалось выселением 40 тыс. датогов; земельные территории масаев были переданы компании PDF в Мондули, пивоварням Танзании (ферма Сукеня) и мясной компании Танзании (IWGIA 2016a: 424).

В последнее десятилетие на охраняемой природной территории Нгоронгоро и в районе Лолиондо напряженность нарастает. Государственные и частные интересы в области охраны природы, коммерческой охоты и туризма способствуют тому, что власти усиливают давление на местное население и ограничивают его право доступа к природным ресурсам. Ряд авторов указывают, что в Танзании права коренного населения на землю не признаются властями, и это вступает в конфликт с представлениями о режиме традиционного природопользова-

ния (Ngoitiko et al. 2010). Как следствие, Северная Танзания прочно заняла одно из лидирующих мест в мировом дискурсе о взаимоотношениях между коренным населением и природоохранными организациями.

В рамках этого дискурса местные общины выступают жертвами, не имеющими возможности оказывать какое-либо существенное влияние на решения, принимаемые властями в корпоративных и международных интересах (Ngoitiko et al. 2010). На сегодняшний день сельские общины используют разнообразные стратегии – от неформальных видов пассивного сопротивления до современных продвинутых форм адвокации и лоббирования избирательных компаний и законотворческих инициатив.

Как показывает предшествующая история, во многих странах мира государство часто сталкивается с проблемой урегулирования противоречий, а порой и открытых конфликтов между локальными группами населения, обладающими традиционными правами общинного землепользования, и необходимостью проведения и соблюдения природоохранных мероприятий. Это, в первую очередь, касается территорий, отведенных под национальные парки и природоохранные территории, но может также затрагивать земельные угодья, граничащие с национальными парками, поскольку данные земли оказываются привлекательными для развития эксклюзивного туристического бизнеса и охоты. В этом случае на местное население оказывают давление правительственные чиновники и частные охранные фирмы с одобрения региональных властей. Такого рода попытки зафиксированы и в Северной Танзании (IWGIA 2016b: 64).

Как показывает практика, в большинстве случаев местные жители игнорировали распоряжения о выселении и ни одна община не соглашалась добровольно покинуть свою территорию. С одной стороны, выселение все же проводилось и часто сопровождалось нарушением прав человека, включая запугивание, изъятие денег и скота, разрушение домовладений. Скот преднамеренно убивали или разгоняли, а дома сжигали. В результате выселений пострадавшие люди были обездолены, причем дети и взрослые страдали от голода, ухудшалось их здоровье. Правительство часто оправдывало выселения необходимостью сохранения дикой природы и усиления контроля центральной власти над общинными землями. С другой стороны, общины утверждают, что основной причиной выселения скотоводов являются облегчение доступа к природным ресурсам и развитие высокодоходной индустрии туризма, для чего общинные земли выделяются богатым корпорациям и общественным деятелям, а местные власти невольно вовлечены в спорные сделки с землей (IWGIA 2016b: 64).

Масаи на охраняемой территории Нгоронгоро

В северной Танзании значительные территории (около 30 тыс. км²) были выделены под национальные парки (НП) в природоохранных це-

лях, в том числе Серенгети 14 763 км² (основан в 1929 г., статус национального парка с 1951 г.), НП Мкомази (3 200 км², основан в 2006 г.), НП Тарангире (2,850 км², основан в 1970 г.), НП Маньяра (644 км², основан в 1957 г.), НП Аруша (137 км², основан в 1960 г.), охраняемая территория Нгоронгоро (ОТН) (8 288 км², основан в 1959 г.) (IWGIA 2016b: 65).

В результате туризм, основанный на сафари и охоте, стал важной и доходной отраслью хозяйства именно в Северной Танзании, где находятся такие всемирно известные туристические маршруты, как Серенгети, Маньяра, Тарангире и Нгоронгоро. По некоторым оценкам, доходы от посещения туристами Нгоронгоро оценивались в 100 млн долл. в год (Conde Nast Traveller 2010).

Когда в 1959 г. власти объявили о создании охраняемой природной территории Нгоронгоро, здесь проживали примерно 10 тыс. масаев со скотом, переселенных недавно из Серенгети (Neumann 2000: 124).

Поселения масаев сейчас образуют узкую полосу, которая простирается от юго-западной до северо-восточной границы территории ОТН. Данная конфигурация поселений представляет собою компромисс между выбором оптимальных пастбищных угодий и ограничениями доступа к конкретным территориям со стороны администрации (примером является запрет на выпас скота в самом кратере Нгоронгоро). На северо-западе располагаются низкотравные равнины, которые используются дикими гну как пастбища и «родильные дома». Данная территория слабо используется масаями во влажный сезон из-за опасения заразить домашний скот смертельной болезнью – злокачественной катаральной лихорадкой (Malignant Catarrhal Fever), которая переносится телятами гну. На юго-востоке находится кратер Нгоронгоро, в котором масаям не разрешено находиться, однако они нарушают данный запрет и спускаются со своими стадами к озеру Магади, так как полагают, что соленая вода является важным профилактическим средством против зоонозов. Масаи избегают селиться на юго-западе ОТН из-за частых набегов представителей племени сукума, которые угоняют у них скот (Field et al. 1997: 185).

Образование ОТН рассматривалось как уникальный долговременный эксперимент по поддержанию устойчивого сосуществования популяций диких животных и масайской общины, практикующей традиционные способы ведения скотоводства (Thompson 1997: 5). Эксперимент считался удачным на протяжении тридцати лет: численность диких животных практически не уменьшалась, а численность домашнего скота оставалась относительно стабильной, при этом специалисты отмечали его высокое качество, на душу населения приходилось в среднем по шесть голов крупного рогатого скота (Brown 1973: 74). ОТН получило статус территории мирового наследия ЮНЕСКО в 1979 г. и

считается успешным примером государственно-частного партнерства (Conde Nast Traveller 2010).

Фото 5. Взятие крови из яремной вены бычка. Фото М.Л. Бутовской, февраль 2017 г.

В начале 1990-х гг. ситуация стала катастрофически меняться. Из-за улучшения медицинской помощи, продвижения современных методов родовспоможения и охраны детского здоровья стал наблюдаться резкий рост численности масаев в Нгоронгоро. Численность крупного рогатого скота на душу населения при этом сократилась более чем в два раза; к 1999 г. она составила менее трех голов скота на человека. Для сравнения, у масаев Лолиондо в этот же период поголовье составляло 10 голов скота на человека (Lynn 2000).

В утвержденном плане управления территорией администрация ставит себе задачу сохранения окружающей среды, с соблюдением прав резидентов (в данном случае масаев) и содействием развитию туризма по схеме, известной как «многоцелевое землепользование».

В последние годы (речь идет о 2016–2017 гг.) администрация ОТН накладывает все больше ограничений на выпас скота и доступ к водным ресурсам, перемещение людей, причем право на возвращение у выселенных людей отсутствует. Разрешение земледелия на выделенных администрацией ОТН территориях в 1991 г. дало лишь кратковременный эффект улучшения уровня жизни масаев, который был полностью сведен на нет к 2000 г. вследствие роста численности самих масаев и интенсивной миграции в ОТН представителей других этнических

групп, более успешно занимающихся выращиванием сельскохозяйственных растений (Galvin et al. 2006). С 2009 г. масаеям полностью запрещено заниматься земледелием, так как было доказано, что этот вид хозяйства оказывает наиболее разрушительное воздействие на популяции диких животных (Boone et al. 2002: 147). Это правило жестко соблюдается, его нарушение влечет за собой уголовную ответственность (Conde Nast Traveller 2010). В результате уровень обеспеченности населения продуктами питания резко упал. Чтобы компенсировать (хотя бы частично) продукты земледелия, администрация ОН раз в полгода распределяет среди масаев кукурузную муку из расчета 16 кг на человека (или около 90 граммов в сутки). Процедуру распределения кукурузной муки мы наблюдали в поселке Лайтоли 17.02.2017 г. Очевидно, что такого количества муки мало для выживания, с учетом того, что *угали* (кукурузная каша) часто является практически единственным продуктом питания. Для некоторых домохозяйств это именно так, поскольку у них либо вовсе нет скота, либо его недостаточно для регулярного питания продуктами животноводства. Впрочем, в условиях интенсивного роста населения этих мер оказывается недостаточно.

Выселение масаев

Популяция масаев растет быстрыми темпами и, по официальным сводкам, достигла 87 500 человек в 2014 г. С учетом ежегодного прироста в 3,7%, на сегодняшний день в ОН может проживать около 100 тыс. человек. Эти цифры в ближайшее время будут только увеличиваться. Еще в 2007 г. Комиссией было рекомендовано сократить численность масаев примерно наполовину, с 40 до 25 тыс. человек, что позволило бы снизить антропогенную нагрузку на экосистемы и диких животных. Исходя из этих цифр, следует, что для поддержания устойчивости экосистемы ОН, до 2/3 масаев должны быть выселены за пределы Нгоронгоро.

В истории ОН известны два случая выселения: в конце 1970-х – начале 1980-х гг. несколько скотоводов были выселены из Нгоронгоро по истечению разрешенного срока пребывания; другим предположительно было заплачено за выселение (Olenasha et al. 2001). По некоторым данным, в 2008–2009 гг. 3 500 семей (прибывших на территорию после 1959 г.) были принудительно выселены из ОН, дополнительно к этому 538 семей были выселены добровольно в июле 2009 г. (IWGIA 2016a: 76).

В настоящее время (2016–2017 гг.) наблюдается рост противостояния между общиной масаев и администрацией ОН. Власти ОН рассматривают землю как государственную собственность (как и всех охраняемых территорий), тогда как масаи настаивают, что пересели-

лись на эту землю из Серенгети под давлением властей и им было обещано, что они могут располагать территорией Нгоронгоро. Некоторые масаи уверены, что эта договоренность была закреплена письменно документом, подтверждающим их право на землю, однако документ либо пропал, либо кем-то намеренно скрывается. Один из информантов (информант № 1, интервью от 9.02.2017 г.) сообщает, что ОТН оказывает давление на местные общины, стимулируя их переезд в другие районы Танзании, в частности в Лолиондо. Власти уверяют, что в Лолиондо для них зарезервировали участок земли и обеспечили эту территорию объектами социального назначения (школой и госпиталем), а также обустроили артезианские скважины для снабжения прибывающего населения водой. Однако первые же мигранты (ими оказались семьи датого, переселившиеся из Ольпиро) столкнулись с непреодолимыми трудностями. Местное племя сонжо отнеслось враждебно к переселенцам, считая эту территорию своей. Возникли конфликты и столкновения между этими группами при выпасе скота. В результате датогские семьи одна за другой стали возвращаться в Ольпиро. Информация о реальном положении дел быстро облетела датого и масаев, проживающих в Нгоронгоро, и в настоящее время предложения о переселении люди встречают массовым отказом. В поселке Эндолен 08.02.2017 г. состоялось собрание старейшин (pastoralists council), на котором единогласно было решено, что переезжать не стоит. Было также принято решение провести переговоры с руководством ОТН и особо настаивать на том, что эту землю масаям предоставили при переселении из Серенгети. Одновременно с мужским собранием, женщины масайки провели свое, на котором решили, что если старейшины не сумеют договориться с властями, то они (женщины) пойдут протестовать к главным воротам Нгоронгоро и будут выкрикивать там собственные требования. Разумеется, администрация ОТН была не в восторге от такой перспективы. Судя по имеющимся у нас данным, в самое ближайшее время должны состояться переговоры старейшин с администрацией ОТН в присутствии представителей центральных властей.

Проблема переговоров с властями осложняется очевидной юридической некомпетентностью старейшин. На наш вопрос: «Почему масаи не обратятся за консультацией и помощью в спорных вопросах к масаю с юридическим образованием?» (таковые в Танзании имеются), информант сообщил, что ни один масай-юрист не соглашается вести переговоры, поскольку, как он предполагает, их подкупают представители ОТН.

Так или иначе, проблема резкого роста численности населения, а также поголовья скота в ОТН требует конструктивного решения. Размышляя о будущих перспективах, информант сообщил: «Может, мы и готовы в настоящее время согласиться с необходимостью уменьшать размеры семьи. Нам больше не нужно столько жен и детей. Но сокра-

щение поголовья скота на семью – невыполнимая задача. Мне для нормального существования семьи из 4 человек нужно примерно 100 коров. Это позволит кормить семью и ежегодно продавать часть поголовья для покрытия разных нужд, включая образование детей. В Нгоронгоро сегодня большое количество семей не имеют скота (или владеют 1–3 коровами), тогда как немногие богатые семьи могут владеть 500–700 коровами. И власти требуют от них сократить это количество. Но если они его уменьшат, кто будет помогать бедным соседям и отдавать коров во временное пользование, чтобы поддержать их?» На наш вопрос «Почему же тогда богатые не отдают часть коров, превышающую допустимый лимит на семью, в аренду бедным соседям?», информант поясняет, что масаи сегодня изменились, богатые не готовы отдавать часть скота в аренду другим. Они им не доверяют. В этой ситуации, если администрация требует ограничить количество скота на семью, у таких людей отберут коров, а шансы на небольшое вспомоществование с их стороны бедным соседям будут сведены к минимуму.

По сообщениям другого информанта (информант № 2, интервью от 11.02.2017 г., 18.00–19.30), присутствовавшего на вышеупомянутом собрании старейшин, противостояние масаев и ОТН нарастает. На собрании был выработан план действий. Активисты должны были отправиться 13.02.2017 г. в столицу Танзании Додому и встретиться там с премьер-министром для обсуждения сложившейся ситуации. По словам этого информанта, «масаи имеют право на землю, между тем, в соответствии с законом, земля на охраняемых территориях находится в собственности государства, и масаи, следовательно, никаких прав на землю не имеют. В самом начале, когда масаев выселяли из Серенгети, власти делали это в соответствии с договором, достигнутым со старейшинами. Однако поскольку сами старейшины были безграмотными, никто из них после не мог толком сказать, в какой формулировке было подписано соглашение, и гарантировало ли оно в реальности право масаев на землю в ОТН». К сожалению, сами масаи не видят этой юридической тонкости и лишь повторяют привычные формулы о том, что это их земля по закону и договоренности. В последние десятилетия в ОТН несколько раз случались ощутимые засухи. Засухи и эпидемии негативно сказались на поголовье масайского скота, в результате многие семьи оказались не в состоянии обеспечить себя продуктами питания.

Проблема, действительно, серьезная и требует безотлагательного решения, – продолжает информант № 2, – но все дело в том, каково будет это решение. Переселение возможно, но только на добровольной основе и под правительственные гарантии. В частности, переселенцем должны быть выделено денежное пособие на обустройство в новом месте и гарантированы права собственности на предложенную землю. Кроме того, дети переселенцев должны быть обеспечены в перспективе

субсидиями на получение образования от ОТН, так как масаи должны иметь право на часть средств, полученных от туризма. В свое время официальные власти заявили во всеуслышание, что в ситуации, когда выбор должен быть сделан между благом людей и охраной дикой природы, выбор должен быть сделан в пользу людей. Но в нынешних условиях власти как-то упускают из виду этот тезис.

Вопрос о правах традиционных скотоводов стоит сегодня исключительно остро не только в Танзании, но и в Кении. К сожалению, масаи повсеместно оказываются ущемленной стороной. Их потеснили сегодня в Маньяре, Тарангире, Лолиондо (Танзания), то же самое происходит в Масаи Мара (национальный парк в Кении). Однако масаи считают, что должны иметь право на землю, и территории, традиционно используемые ими под пастбища, нельзя урезать и отдавать под распашку земледельцам-соседям. Правила традиционного скотоводства предполагают, что скот сезонно выпасается на разных участках, кроме того, часть земли должна отдыхать от выпаса в течение года и более. То, что скот не выпасается на этом участке, не означает, что он не используется и не нужен общине. Таким способом достигается восстановление ресурсов экосистемы.

В настоящее время, по подсчетам специалистов, в границах ОТН находится 160–170 тыс. голов скота, что уже превышает допустимые нормы. При этом, однако, оно не удовлетворяет потребности нынешней масайской популяции ОТН. По некоторым данным, улучшение качества жизни масаев возможно даже в этих условиях за счет более эффективной работы ветеринарной службы и получения доступа к низкотравным степям и выпаса скота в юго-восточной части ОТН. Реальную угрозу для других видов диких животных, прежде всего травоядных, составляет неконтролируемый рост численности гну (основных конкурентов скота масаев) (Boone et al. 2002).

Специалисты по природопользованию считают, что устойчивое развитие масайских общин и их сбалансированное существование в рамках природоохранных территорий возможны при условии существования традиционных способов ведения хозяйства, ориентированных на кочевой образ жизни. Создание масайских «деревень», расширение земледелия и доступности к ресурсам не только негативно сказываются на охране диких животных, но и способствуют смене традиционного уклада землепользования у самой этой этнической группы. Между тем кочевой образ жизни в меньшей степени приводит к истощению ресурсов, чем земледелие, поскольку скот часто перегоняют на новые территории в поисках пастбищ и воды. Миграции скота благоприятно сказываются на экологии региона, так как позволяют восстанавливаться съедобным видам трав. Напротив, постоянные поселения, выпас скота на одном месте, в сочетании с запретом на выжигание сухой травы, при-

водят к появлению и распространению в границах природной территории инвазийных и несъедобных для домашних и диких копытных видов растений, в частности *Eleusine jaegeri* (растение семейства Злаки, или Мятликовые) (Homewood, Rogers 1991: 139).

Вариант устойчивого развития территории ОТН и сосуществования дикой природы и масаев предлагает еще один информант (информант № 3, интервью от 12.02.2017 г., 17.30–19.30). По его мнению, следует поселить всех масаев в несколько мест по типу Эндолена, где будут расположены не только масайские бомы (так называются подворья на суахили), но и вся современная инфраструктура (госпиталь, школы, магазины и клуб). Это позволит существенно снизить нагрузку на окружающую среду на значительных участках ОТН, а выпас скота осуществлять в соответствии с масайскими традициями, чередуя места выпаса и консервируя часть пастбищ на один-два года для восстановления ресурсов. В последнем предложении мнения информантов № 2 и 3 перекликаются. «Конечно, – говорит информант № 3, – только этими мерами проблему не решить. Часть масайской популяции должна покинуть Нгоронгоро. Но переселение должно осуществляться на добровольной основе, и мигранты должны четко понимать свои выгоды от этого шага. К примеру, на это может согласиться часть молодежи, получившая среднее образование и имеющая ограниченные перспективы для реализации себя в пределах ОТН». Тот же информант справедливо указывает на наличие связи между уровнем образования и деторождением. По его мнению, популяция масаев в ближайшие 50–60 лет может сократиться, масаи постепенно перейдут к моногамии и воспроизводство будет ограничено одним-двумя детьми на семью».

Следует отметить, что интересы масайской общины и природоохранных служб со всей очевидностью не совпадают и, по-видимому, не могут совпадать, исходя из базовых целей каждой из сторон. Масаи не понимают и не желают принимать как должное необходимость защиты дикой природы. Государственные природоохранные службы отстаивают первостепенную задачу сохранения уникальной экосистемы ОТН как рефугиума, в котором живут разнообразные дикие животные. Масаи настаивают на ущемлении их прав на хозяйственную деятельность на территории ОТН, а администрация ОТН указывает на намеренное искажение реальных и замалчивание исторических фактов.

Как отмечает в своем интервью один из наших информантов, компетентно разбирающийся в ситуации (информант № 5, интервью от 22.02.2017 г., 9.00–10.00), «масаям ОТН созданы беспрецедентные по масштабам Танзании условия. Им оказывается постоянная продовольственная помощь в виде кукурузной муки и бобов, государство также берет на себя все расходы по образованию и медицинской помощи масаям, на эти нужды расходуется примерно 25% всех доходов, получен-

ных от туристической деятельности на территории ОТН. В то время как другие этнические группы, причисленные в списках IWGIA к коренным малочисленным народам (хадза, датоба, акие), подобной помощи не получают. Масаи ОТН находятся в существенно лучшем положении по обеспеченности пропитанием, чем многие популяции, проживающие в других регионах Танзании, которым государство не в состоянии оказать помощь и которые должны справляться с создавшейся ситуацией самостоятельно. Масаи повсеместно сообщают о своих правах на территорию Серенгети и Нгоронгоро, однако с исторической точки зрения не являются коренным населением этих территорий. Очевидно, что исходными жителями этого региона являлись хадза и другие группы охотников-собирателей. Около 400 лет назад на эту территорию мигрировали датоба, которые и сосуществовали с охотниками-собирателями несколько столетий. Лишь в XIX в. в Серенгети и Нгоронгоро стали проникать волны масайских переселенцев с севера. В силу большей многочисленности и наличия военной организации, масаям удалось полностью вытеснить датоба из этой местности и существенно потеснить также охотников-собирателей».

«Исходя из этих фактов, – комментирует информант № 5, – можно ли считать именно масаев основными бенефициарами при распределении различных ресурсов на рамках ОТН? На датоба, проживающих в поселении Ольпиро (также территории ОТН), и хадза, проживающих на берегу озера Эяси по соседству с датоба, подобные льготы не распространяются». На мои комментарии о том, что масайские старейшины собираются добиваться приема у премьер-министра Танзании для обсуждения возникшей ситуации и отстаивания своих прав на ресурсы ОТН, информант № 5 сообщил: «Масаи не всегда говорят правду о своих действиях и научились умело манипулировать общественным сознанием. Это они всячески уклоняются от встречи, предложенной премьер-министром для урегулирования конфликта между масайской общиной и администрацией ОТН. В ответ на разъяснения со стороны администрации ОТН о резком росте плотности популяции и необходимости регуляции численности детей в семье, масайские старейшины стали стимулировать рождаемость и лишь ускорили рост населения в Нгоронгоро. В последние годы масаи не только нарушают договоренности об ограничении доступа скота в кратер, но стали активно выпасать скот в высокогорных лесах, что с природоохранной точки зрения категорически не допустимо. При этом плотность скота в этой местности неуклонно растет, несмотря ни на какие увещания со стороны природоохранных служб. Масаи также стали активно нарушать и договоренности, связанные с соблюдением традиционных норм поселения. Они стали сооружать постоянные дома современного типа. Масайские дома из глины под соломенными крышами сегодня активно замещают-

ся современными сооружениями из кирпича, кроются железом, жестью также обивают и стены таких домов для защиты от дождя. Так что облик всей территории катастрофически меняется, приближаясь к обычным сельским поселениям в других регионах Танзании. Это противоречит исходной договоренности и сводит на нет всю идею экологически сбалансированного сосуществования дикой природы и человеческих общин, практикующих традиционные способы ведения хозяйства и проживания. Кроме всего прочего, в условиях масайской общины наблюдается существенное имущественное расслоение и небольшое число семей владеет значительным поголовьем скота. В отдельных домохозяйствах число зебу превысило 3 000, а мелкого рогатого скота 500 голов. Разумеется, такие размеры стада в ОТН просто недопустимы. Однако масайские старейшины не желают соглашаться и с этим фактом».

Отвечая на вопрос о том, каким же видится выход из сложившегося положения, респондент № 5 подводит следующих итог: «Выселение масаев из ОТН – это единственно возможное решение проблемы ОТН. Полумеры с отселением части популяции приведут к новому конфликту в недалеком будущем. Масаи должны признать, что они не являются исключением и “особым народом”, наделенным исключительными правами. Они такие же граждане Танзании, как остальные 130 этнических групп этой страны. Оптимальным выглядит компактное переселение масаев ОТН в район Лолиондо, где проживает другая масайская община. Это сведет на нет возможность межэтнической напряженности, которая непременно возникнет в случае выделения масаям земель в регионе традиционного проживания других народов этносов».

Таким образом, положение продолжает ухудшаться, поскольку администрации ОТН не удастся достигнуть какой-либо договоренности для разрешения создавшейся ситуации: масайские лидеры требуют отчуждения значительной части земель ОТН под выпас и земледельческие угодья, а власти настаивают на снижении численности масаев в этом регионе и запрете на проходы скота на территорию самого кратера.

Масаи и хищники в Нгоронгоро

О традиционном ритуальном убийстве львов моранами (молодыми мужчинами-масаями) написано большое количество литературы. Охота на льва требует силы и большой смелости, поскольку осуществляется только с помощью копья. В повседневной жизни ОТН убийство хищников (львов, леопардов и гиен) масаями является преимущественно ответной мерой. Многочисленные зафиксированные факты свидетельствуют о том, что львы нападают на стада крупного рогатого скота в дневное время (Ikanda, Packer 2008: 68). Причем это происходит лишь тогда, когда коров пасут дети и подростки или один взрослый. На ста-

да, выпасаемые группой моранов, львы не нападают. Нападения леопардов и гиен происходят преимущественно в ночное время, и жертвами их становятся козы и овцы. Эти нападения очень трудно контролировать, потому что хищники неслышно проникают в подворье и бесшумно делают подкоп в крааль со скотом. Ночные хищники предпочитают нападать на отдельно стоящие небольшие бомы. Во время нашего пребывания в Эндолене произошло несколько случаев нападения хищников на скот. В январе 2016 г. гиена зарезала овцу и пыталась вытащить ее из крааля, но была застигнута хозяевами и бежала, бросив добычу; двое львов пытались напасть на стадо коров, но их нападение отбили мораны. В феврале 2017 г. гиены зарезали трех овец в боме наших знакомых, но утащить смогли лишь одну, кроме того, леопард атаковал несколько бомов поблизости от местного госпиталя и пытался задрать овец, однако был замечен: владельцы бомов смогли защитить свой скот.

Фото 6. Мальчики, недавно прошедшие обрезание. Фото М.Л. Бутовской, август 2016 г.

С 1965 по 2003 г. в ОТН зафиксировано 69 случаев убийства львов масаями, однако точные данные о том, сколько из них произошли в отместку за нападение на скот, а сколько в ритуальных целях, отсутствуют.

По данным на 2003 г., в ОТН проживало 4 львиных прайда численностью 27 особей, тогда как в самом кратере численность львов достигала 57 особей. Не только рейнджеры, но и масаи располагали этой информацией. По данным Иканда и Пакера (Ikanda, Packer 2008: 70), про-

водивших опросы в 43 бобах, за 2001–2003 гг. произошло 89 нападений хищников на скот масаев, повлекших гибель 169 голов скота (в среднем потери составили 5,38 животных в месяц). Исследования показали, что на скот нападают местные львы из ОТН, они же становятся мишенью охоты масаев (в качестве мести), тогда как львы, забредающие в ОТН из Серенгети, чаще становятся мишенью для ритуального убийства моранами (71). Первый вариант является узаконенным ответным действием населения ОТН, тогда как второй признан вне закона и совершающие это преступление мораны подлежат наказанию. Убийства львов в результате защиты домашнего скота происходят на протяжении года и не имеют региональной привязки, тогда как *ala-mayo* осуществляется преимущественно на низкотравных равнинах (местное название *Angata Kiti*) во влажный сезон и жертвами становятся львы, мигрирующие за дикими копытными из Серенгети.

По мере повышения плотности населения ОТН частота конфликтов между хищниками и масаеми будет нарастать. Локальная популяция львов будет преимущественно ограничена границами самого кратера Нгоронгоро, а миграции львов из Серенгети могут учащаться в силу роста плотности их популяции в границах национального парка.

Конфликт в Лолиондо

В отличие от Нгоронгоро, Лолиондо находится за пределами границ охраняемых территорий, хотя административно относится к территории Нгоронгоро. В этом регионе истоки конфликта между местной общиной и властями восходят к 1992 г., когда правительство уступило компании Otterlo Business Corporation (ОБК) права на охоту в охотничьих угодьях компании «Охотничье хозяйство севера и юга Лолиондо». ОБК принадлежит члену королевской семьи Объединенных Арабских Эмиратов (IWGIA 2016b: 77).

Конфликт продолжается уже много лет, подпитывая недоверие между местными жителями и центральным правительством. Охотничья территория, которую компания ОБК взяла в лизинг, составляет 4 200 км², и хотя не вся она используется для охоты, примерно на 1 500 м² (на западе на границе с Серенгети и на юге на границе с ОТН) приходится много водных источников и диких животных и, таким образом, она идеально подходит для охоты. Эта территория находится на общинных землях нескольких деревень, расположенных в районе Лолиондо – неохраняемого региона Нгоронгоро. В конфликт также вовлечены две деревни района Сале. Данная территория имеет большое значение как для выживания 20 тыс. масаев, проживающих здесь, так и для выпаса и сохранения скота во время засушливых сезонов, когда сюда сгоняют скот из соседних регионов. Доход от этой деятельности

для скотоводов оценивается в 3 млн долл. США ежегодно (TNRF & Maliasili 2011). ОБК в общей сложности заплатила 150 тыс. долл. этим деревням, что, со всей очевидностью, не может возместить потери от сокращения скотоводства (IWGIA 2016b: 77).

Анализ сложившейся ситуации показывает, что права, предоставленные ОБК в счет сдачи в аренду охотничьих угодий, – это только права на добычу указанной квоты диких животных, но не права на землю. Лизинг земель не дает юридических прав на владение землей или строительство инфраструктуры, однако ОБК затребовало эксклюзивные права на землю, и центральное правительство, через окружную администрацию, попыталось пойти на уступки в этом вопросе. ОБК попыталась юридически закрепить за собой право на землю и добиться официального разрешения на выселение местных жителей из этой местности. Общины масаев, правление деревень и окружная администрация отказываются передать землю, на которой они зарегистрированы как поселения, обладающие официальными свидетельствами общинной собственности на землю.

Тем не менее, несмотря на протесты местной общины, в июле 2009 г. со спорной территории было отселено примерно 150 домовладений вместе со скотом. Собранные активистами местной общины факты противоправных действий по выселению были представлены в Парламент Танзании. Деятельность министерства природных ресурсов и туризма в районе Лолиондо была признана незаконной, для расследования сложившейся ситуации в Лолиондо была направлена правительственная комиссия. В апреле 2010 г. в Лолиондо состоялся митинг протеста, а в феврале 2011 г. – собрание, на котором окружные власти предложили общинам утвердить новый план землепользования, подготовленный Земельной комиссией. В плане предлагалось рассматривать территорию в 1 500 км² как новый вид охраняемой территории, «коридор для миграций диких животных», но план был отклонен Окружным советом. Однако уже в марте 2013 г. новый министр природных ресурсов и туризма публично заявил об отсутствии земель у скотоводов Лолиондо и решении правительства, согласно которому спорные 1 500 км² должны остаться в собственности ОБК. Такое решение вызвало волну массовых протестов. Делегации масайских женщин и старейшин отправились в Дар-эс-Салам и Додому, привлекли СМИ, повсеместно предъявляя доказательства права общин на землю. После шестимесячных протестов, в сентябре 2013 г., премьер-министр заявил, что 4 тыс. км² спорной земли навечно принадлежат масаям, и хотя старейшины попросили оформить это заявление письменно, данный документ отсутствует до настоящего времени. В ноябре 2014 г. вновь возникла угроза выселения масаев с данной территории, однако масайские общины Лолиондо оказались уже лучше организованы и сумели противостоять этим попыткам (IWGIA 2016b: 78).

Отметим также, что международные природоохранные организации также постоянно пытаются создать новые охраняемые территории на земле масаев. Эти попытки постоянно отвергаются местными общинами, поскольку управление землей в таком случае передается от деревни Департаменту охраны дикой природы с одновременным ограничением выпаса скота.

Возможно ли устойчивое развитие ОТН?

Возможны ли в данном случае достижение компромисса между коренными народами и природоохранными организациями и их плодотворное сотрудничество при условии взвешенного подхода к потребностям местного населения и сохранению природных экосистем?

В современном мире равновесное существование коренных народов и дикой природы возможно. Мы считаем справедливыми запреты администрации на нетрадиционные способы ведения хозяйства на территории Нгоронгоро: масаи не могут заниматься земледелием и выращивать какую-либо растительную продукцию. Мы считаем разумным также запрет на коммерциализацию производства и переработку мяса и молока на данной территории. Сегодня эти ограничения и жесткая позиция администрации Нгоронгоро вызывают неприкрытое недовольство самих масаев. Мало кто из них осознает, что подобные ограничения представляют собой «защитный купол», охраняющий их традиционные пастбища от захвата мигрантами-земледельцами (Бутовская 2016: 94). Представители других этнических групп постоянно стремятся въехать и поселиться в Нгоронгоро под видом наемных рабочих, технического персонала госпиталя и школ.

Но позиции ОТН и масайской общины существенно расходятся (Бутовская 2016: 93). Основы благосостояния масаев детально описаны в монографии (Buzinde et al. 2014). Эти исследователи работали в двух традиционных масайских поселениях – Эсилалей и Олтукай, расположенных в районе оз. Маньяра и подверженных воздействию процессов глобализации из-за туристической активности в данном регионе. Информанты этих исследователей называли три ведущих фактора благосостояния: дети (жены и дети в ответах мужчин), скот, наличие хороших пастбищ и природных ресурсов. Женщины также отмечали значение образования и здоровья для детей. А мужчины – наличие денег (возможности заработка). Эти поселения находятся вне зоны национального парка, и хозяйственная активность масаев здесь никак не ограничена.

Нет сомнений, что масаи ОТН придерживаются тех же жизненных ценностей, однако реализация этих приоритетов ограничена режимом природоохранной территории и несущей способностью экосистемы. Как указывалось выше, плотность масайской популяции уже в 4–5 раз превышает максимально возможную для сбалансированного сосуще-

ствования человека и диких животных на этом пространстве. По этой причине остро встает вопрос о регуляции численности масаев ОТН. Недостаточно просто отселить часть популяции за пределы ОТН, необходимы кардинальные меры по контролю рождаемости. Учитывая тот факт, что дети рассматриваются масаями в качестве главной ценности, уменьшение числа детей в семье не может достигаться насильственными методами. Повышение уровня образования может способствовать снижению воспроизводства, так что его доступность для жителей ОТН – одна из наиболее перспективных мер такого плана. Образование также является стартовой позицией для миграции из ОТН в другие районы Танзании, где возникает потребность в специалистах конкретного профиля. Этнотуризм в ОТН и развитие программ культурных бом – также является важной инициативой, позволяющей масаям получать дополнительные денежные средства от экскурсий и продажи сувениров. Эти деньги обеспечивают дополнительные возможности по поддержанию уровня жизни и образованию детей. Например, в Лолиондо местные жители проявляют инициативу по использованию общинных земель с учетом интересов природоохранных мероприятий. Администрации поселений разрешили туроператорам создавать кемпинги на их территории. В результате доходы от фотосафари в год приносят до 300 тыс. долл. местным жителям (IWGIA 2016b: 77).

Отчуждение значительной территории ОТН в пользу масайской общины, на чем настаивают местные старейшины и активисты, не является решением проблемы. Даже если решение будет принято в пользу масаев, наряду со снижением численности и разнообразия диких животных и ухудшением экологической ситуации в регионе, в ближайшем будущем с неизбежностью будет происходить экспоненциальный рост численности популяции населения (в том числе и немасайского) и, как следствие, проблема с обеспечением масаев ресурсами питания встанет с еще большей остротой. В сегодняшней ситуации регулирование численности масаев на территории является неизбежной мерой. Однако решение этого вопроса требует максимальной деликатности и надежных гарантий по обеспечению приемлемого уровня жизни для вынужденных переселенцев. Нам уже приходилось аргументировать мысль, что важным условием устойчивого развития масайской общины Нгоронгоро являются разработка и реализация целевых образовательных программ по репродуктивному здоровью населения и последовательное соблюдение политики целенаправленного регулирования рождаемости (Бутовская 2016: 94).

Устойчивое развитие в таких условиях является противоречивым: идеальное состояние недостижимо, поскольку численность популяций увеличивается, но при этом увеличивается и давление глобальной экономики (в том числе через экотуризм), что ведет к изгнанию скотоводов с их традиционных земель.

Скотоводы в настоящее время в наименьшей степени располагают возможностями для поддержания своего традиционного образа жизни, чем когда бы то ни было. По итогам семилетнего проекта по изучению племени боран в Южной Эфиопии было показано, что численность скотоводов растет быстрее, чем численность скота, в свою очередь, репродуктивность и продуктивность его снижаются в связи с ростом конкуренции за пастбища. Были сделаны выводы, что уже в настоящее время у боран отмечается дефицит пищевых калорий, вызывающий необходимость в культивировании растений, невозвратной продаже скота для покупки зерна, миграции молодежи из традиционных поселений в поисках заработка, расслоению племени по доходам и рост сегмента популяции, зависимого от случайных заработков, необходимых для выживания (Corrpsok 1994: 269).

Проблема роста плотности популяций и конкуренции за земельные ресурсы может иметь несколько решений. Одно из них – повсеместный запрет пастбищного скотоводства и создание поселений скотоводов, в которых они будут заниматься выращиванием овощей, зерновых и кормовых культур при стойловом содержании скота с интеграцией в индустриальную рыночную экономику (Steen 1994: 460). Противоположный взгляд – восстановление и охрана скотоводства через законодательное признание прав собственности на водные и пастбищные ресурсы; права на проход скота через возделываемые земли во время миграций, права на беспрепятственный проход через границы государств; уважение знаний скотоводов об управлении водными, земельными ресурсами и стадом; прекращение политики принуждения скотоводов к оседлости; установление справедливых цен на воду и, наконец, признание права самостоятельно выстраивать отношения с властью (Fratkin 1998). Промежуточный подход, который был применен в Монголии и Восточной Африке, – рост рыночной интеграции и улучшение качества скота на основе гибридных форм традиционных стратегий скотоводов, равно как и укрепление связей между земледельческими и городскими сообществами. Успех Монголии в восстановлении своей системы скотоводства был связан не только с приватизацией стада, но и с национальной политикой, гарантирующей совместное использование пастбищ, доступ к рынку, широкий доступ к ветеринарным услугам (Barton et al. 2001: 17).

Серьезной угрозой скотоводству масаев в Африке в наши дни являются захват, приватизация и огораживание пастбищных земель. Признание прав собственности на землю является необходимым условием для продолжения существования пасторализма во многих регионах мира. Управление рисками скотоводства необходимо поддержать при помощи разработки стратегий, позволяющих повысить готовность скотоводов и местных властей к таким явлениям, как засуха в Африке. Проекты, осуществленные в Кении и Монголии при поддержке Мирового

банка, например, выявили такие способы смягчения последствий засухи, как ранняя система оповещения сообщества о наступлении засухи, устройство дополнительных водных источников (колодцы, водные резервуары, создание системы микроплотин для удержания воды), использование охраняемых территорий и территорий военных учебных центров для экстренного выпаса скота (Barton et al. 2001: 30).

Обычно предполагается, что наличие охраняемых территорий (национальных и природных парков) однозначно способствует возникновению конфликта между правами и традициями проживающих на них или рядом коренных народов. На самом деле в случаях, когда коренные народы заинтересованы в охране и традиционном использовании своих земель и природных ресурсов, то, при условии соблюдения фундаментальных прав человека, конфликты между этими людьми, правами и интересами, а также целями охраняемых территорий не возникают или сглаживаются. Международный союз охраны природы и Всемирный фонд дикой природы признают, что охраняемые территории способны существовать только в случае, если они представляют ценность для нации в широком смысле слова и особенно для коренных народов; права коренных и других традиционных народов должны соблюдаться и допускается их вовлечение в со-управление ресурсами, при этом сохраняя природоохранные цели, прописанные в плане управления территории; знания и опыт коренных и других традиционных народов должны использоваться в плане управления; правительство и администрация охраняемой территории должны сочетать традиционные способы природопользования и системы контроля для целей сохранения биоразнообразия. В результате анализа были разработаны 5 основных принципов управления и 22 рекомендации по практическому вовлечению коренных народов в управление охраняемыми территориями и решению конфликтов. Также были исследованы 11 случаев сосуществования коренных народов и охраняемых территорий в разных регионах мира (Indigenous and traditional people... 2000: 10).

Вместе с тем признается, что большинство охраняемых территорий были взяты под охрану без соответствующего учета интересов проживающего там коренного населения. В результате многие программы по сохранению видов и экосистем не предусматривали вовлечения в их разработку коренного населения. В настоящее время этот просчет пытаются ликвидировать во всем мире, предпринимаются усилия для вовлечения коренного населения в проекты сохранения долговременной устойчивости охраняемых территорий. Нгоронгоро – один из первых и самых длительных экспериментов по охране природы на общинном уровне (community based conservation) (Бутовская 2016: 93).

Скотоводы не должны исключаться из системы охраны природы, как это происходит в Африке и других странах. Изгнание скотоводов из

охотничьих заказников не обязательно решает проблему неустойчивого использования территории, но в то же время может создавать трудности, поскольку они вступают в конкурентные отношения с земледельцами и другими группами скотоводов. Желательно, чтобы природоохранная политика была координирована с нуждами скотоводов, предпочтительно путем проведения регулярных встреч с администрацией охраняемых территорий и извлечения в их пользу части дохода от туризма (Mearns 2001). В случае с Нгоронгоро такой диалог действительно имеет место. Администрация природоохранной территории вкладывает значительные средства в образование и медицину, закупку ветеринарных препаратов и обеспечение доступа к водным ресурсам, в том числе и доставку воды в засушливые районы (Бутовская 2016: 93). Скотоводство представляет собой одну из важнейших форм традиционной экономики, и его сохранность в мире – это вклад в поддержание культурного многообразия. Вслед за Fratkin и Mearns (2003: 118) мы полагаем, что при условии грамотного планирования и скоординированных действий администрации природоохранных территорий и местных старейшин консенсус по успешному сохранению ценных местообитаний и ландшафтов потенциально может быть достигнут.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Комиссии по науке и технике Танзании, а также администрации природоохранной территории Нгоронгоро за разрешение на проведение данных исследований, Российскому центру науки и культуры (РЦНК) Россотрудничества РФ в Танзании за многолетнюю помощь и поддержку. Мы благодарны нашему полевому ассистенту С. Коромо и нашим майским друзьям за терпение и помощь.

Литература

- Бутовская М.Л. Масаи Нгоронгоро: парадокс законодательных ограничений хозяйственной деятельности и лучшей сохранности традиционной культуры в условиях природоохранной территории // Антропология в поисках нового языка описания: Тезисы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. С. 93–94.
- Каганский В.Л., Родоман Б.Б. Культура в ландшафте и ландшафт в культуре // Наука о культуре: итоги и перспективы. Информационно-аналитический сборник. М.: Изд-во РГБ, 1995. Вып. 3. С. 2–4.
- Калуцков В.Н. Основы культурного ландшафтоведения. М.: МГУ, 2000.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов в Северной Евразии. М.: Наука, 1989.
- Меркушина Т., Новиков В. Заповедных территорий должно быть больше // Югра. 1998. № 2. С. 27–31.
- Транин А.А. Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Российского Севера (проблемы и перспективы) / Под ред. М.М. Бринчук. М.: ИГП РАН, 2010.
- Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

- Российской Федерации». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12122856> (дата обращения: 26.03.2017).
- Шульгин П.М. Концепция культурного ландшафта и практика охраны этнографического наследия (на примере территорий российского Севера) // Мир России. 2007. № 3. С. 147–166.
- Barton D., Morton J., Hendy C. Drought contingency planning for pastoral livelihoods. Policy series 15. NRI. Univ. Greenwich, 2001.
- Boone R.B., Coughenour M.B., Galvin K.A., Ellis J.E. Addressing management questions for Ngorongoro Conservation Area, Tanzania, using the SAVANNA modelling system // African Journal of Ecology. 2002. Vol. 40. P. 138–150.
- Brown L.H. Pastoral people and conservation // Conservation for survival – Ethiopia's choice, Haile Selassie. Addis Ababa, Ethiopia, 1973. P. 67–76.
- Buzinde Ch., Kalavar J., Melubo K. Tourism and community well-being: The case of the Maasai in Tanzania // Annals of Tourism Research. 2014. Vol. 44. P. 20–35.
- Coast E. Maasai demography. Diss. University of London, University College London, 2001.
- Conde Nast Traveller. Last days of the Masai? 2010. By Joshua Hammer 14 p. URL: <http://www.cntraveler.com/stories/2010-10-19/last-days-of-the-masai> (дата обращения: 23.03.2017).
- Coppock D.L. The Borana Plateau of southern Ethiopia: synthesis of pastoral research, development and change, 1980–91 // Systems Study № 5. Addis Ababa: International Livestock Centre for Africa, 1994.
- Field C.R., Moll G., ole Sonkoi C. Livestock Development // Multiple Land-Use: The Experience of the Ngorongoro Conservation Area, Tanzania. Gland, Switzerland and Cambridge. UK: IUCN, 1997. P. 181–199.
- Fratkin E. Arid pastoralists of Northern Kenya: surviving drought and development in Africa's arid lands // Cultural survival studies in ethnicity and change. Needham Heights. Nass.: Allyn and Bacon, 1998.
- Fratkin E., Mearns R. Sustainability and pastoral livelihoods: lessons from East African Maasai and Mongolia // Human Organization. 2003. Vol. 62, № 2. P. 112–122.
- Galvin K., Thornton P., de Pinho J., Sutherland J., Boone R.B. Integrated modelling and its potential for resolving conflicts between conservation and people in the rangelands of East Africa // Human Ecology. 2006. Vol. 34, № 2. P. 155–183.
- Homewood K.M., Rodgers W.A. Maasailand Ecology: Pastoralist Development & Wildlife Conservation in Ngorongoro, Tanzania. Cambridge Studies in Applied Ecology & Resource Management. Cambridge: Cambridge University Press; Nairobi: Initiatives Publishers, 1991.
- Ikanda D., Packer C. Ritual vs retaliatory killing of lions in the Ngorongoro Conservation Area. Tanzania // Endangered Species Research. 2008. Vol. 1, № 6. P. 67–74.
- Indigenous and Traditional Peoples and Protected Areas Principles, Guidelines and Case Studies. Edited and coordinated by Javier Beltrán. Series Editor: Adrian Phillips World Commission on Protected Areas. Best Practice Protected Area Guidelines Series № 4 IUCN. The World Conservation Union. 2000.
- IWGIA. The indigenous world. A Yearbook. 2016a.
- IWGIA Report 23. Tanzanian Pastoralists Threatened: Evictions, Human Rights Violations and Loss of Livelihoods. IWGIA with PINGO's Forum, PAICODEO and UCRT. 2016b. 91 p.
- Lynn S.J. Conservation policy and local ecology: Effects on Maasai land use patterns and human welfare in northern Tanzania. M.S. thesis. Colorado State University, Colorado, 2000.
- Mearns R. Contextual factors in the management of common grazing lands: lessons from Mongolia and Northwestern China. World Bank, Washington DC, USA. URL: <http://www.internationalgrasslands.org/files/igc/publications/2001/tema29-2.pdf> (дата обращения: 23.03.2017).

- Neumann R.P. Land, justice and the politics of conservation in Tanzania // People, Plants, and Justice: The politics of Nature Conservation / ed. by Ch. Zerner. N.Y.: Columbia University Press, 2000. P. 117–133.
- Ngoitiko M., Sinandei M., Meitaya P., Nelson F. Pastoral activists: negotiating power imbalances in the Tanzanian Serengeti // Community rights, conservation & contested land. The politics of natural resource governance in Africa. London: Earthscan, 2010. P. 269–289.
- Olenasha W., Seki W., Kaisoe M. Case Study 4: Tanzania: The conflict between conventional conservation strategies and indigenous conservation systems. The Case study of Ngorongoro Conservation Area. 2001. URL: <http://www.forestpeoples.org> (дата обращения: 23.03.2017).
- Steen E. Drylands of the third world: potential for future development // Ambio. 1994. Vol. 23. P. 458–460.
- Tarayia G.N. The Legal Perspectives of the Maasai Culture, Customs, and Traditions // Ariz. J. Int'l & Comp. Law. 2004. Vol. 21. P. 183–193.
- Thompson D.M. Multiple Land-Use: The Experience of the Ngorongoro Conservation Area, Tanzania. IUCN, Gland, Switzerland, and Cambridge, UK, 1997. P. 417–440.
- TNRF & Maliasili Initiatives. Integrating pastoralist livelihoods and wildlife conservation? Options for land use and conflict resolution in Loliondo Division, Ngorongoro District. Arusha, Tanzania: Tanzania Natural Resource Forum (TNRF). 2011. URL: <http://www.maliasili.org/technicalreports> (дата обращения: 23.03.2017).

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2017 г.

Butovskaya Marina L., Butovskiy Ruslan O.

THE MAASAI OF TANZANIA: PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE NGORONGORO CONSERVATION AREA

Abstract. The article discusses problems of sustainable development and traditional use of natural resources by the Maasai – one of the cattle-breeding peoples of Northern Tanzania – on the territory of the Ngorongoro conservation area. The authors compare the Maasai economic practices in this area and in the adjacent non-protected area of Loliondo. The article gives a review of the history of conflicts here and of possible ways of their resolution taking into account the experience accumulated by Russia and the world. The authors show that successful conservation of valuable landscapes and habitats is possible if there are competent planning and coordinated action on the part of both conservation areas administration and local tribes.

Keywords: Tanzania, Maasai, Ngorongoro, Loliondo, land conflicts, sustainable development

DOI: 10.17223/2312461X/17/12

References

- Butovskaia M.L. Masai Ngorongoro: paradoks zakonodatel'nykh ogranichenii khoziaistvennoi deiatel'nosti i luchshei sokhrannosti traditsionnoi kul'tury v usloviakh prirodokhrannoi territorii [The Maasai of Ngorongoro: the paradox of legislative restrictions of economic activity and better preservation of traditional culture in a conservation area], *Antropologiya v poiskakh novogo iazyka opisaniia: Tezisy* [Anthropology in search of a new language of description: abstracts.]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2016, pp. 93–94.
- Kaganskii V.L., Rodoman B.B. Kul'tura v landshafte i landshaft v kul'ture [Culture in landscape and landscape in culture], *Nauka o kul'ture: itogi i perspektivy. Informatsionno-analiticheskii sbornik. Vyp. 3* [The science of culture: outcomes and prospects. An information-and-analytical collection. Issue 3]. Moscow: RGB, 1995, pp. 2–4.

- Kalutskov V.N. *Osnovy kul'turnogo landshaftovedeniia* [The basics of cultural landscape studies]. Moscow: MGU, 2000.
- Krupnik I.I. *Arkticheskaia etnoekologiya. Modeli traditsionnogo prirodopol'zovaniia morskikh okhotnikov i olenevodov v Severnoi Evrazii* [Arctic ethno-ecology. Models of traditional use of natural resources by sea hunters and reindeer herders in Northern Eurasia]. Moscow: Nauka, 1989.
- Merkushina T., Novikov V. Zapovednykh territorii dolzhno byt' bol'she [There should be more of conservation areas], *Iugra*. 1998, no. 2, pp. 27–31.
- Tranin A.A. *Territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniia korennykh malochislennykh narodov rossiiskogo Severa (problemy i perspektivy)* [Territories with traditional use of natural resources by numerically small indigenous peoples of the Russian North (problems and prospects)]. Ed. by M.M. Brinchuk. Moscow: IGP RAN, 2010.
- Federal'nyi zakon ot 7 maia 2001 g. № 49-FZ «O territoriiakh traditsionnogo prirodopol'zovaniia korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii»* [The federal law dated 7 May, 2001, # 49-FZ, titled 'On the territories with traditional use of natural resources by the numerically small indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation']. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/12122856> (Accessed 26 March 2017).
- Shul'gin P.M. Kontseptsiiia kul'turnogo landshafta i praktika okhrany etnograficheskogo naslediiia (na primere territorii rossiiskogo Severa) [The concept of cultural landscape and the practice of ethnographic heritage protection (the case of the Russian North)], *Mir Rossiisii*, 2007, no. 3, pp. 147–166.
- Barton D., Morton J., Hendy C. *Drought contingency planning for pastoral livelihoods*. Policy series 15. NRI. Univ. Greenwich, 2001.
- Boone, R.B., Coughenour, Michael B., Galvin, Kathleen A., Ellis, James E. Addressing management questions for Ngorongoro Conservation Area, Tanzania, using the SAVANNA modelling system, *African Journal of Ecology*, 2002, Vol. 40, pp. 138–150.
- Brown L.H. Pastoral people and conservation, *Conservation for survival – Ethiopia's choice, Haile Selassie*. Addis Ababa, Ethiopia. 1973, pp. 67–6.
- Buzinde, Ch., Kalavar, J. & Melubo, K. Tourism and community well-being: The case of the Maasai in Tanzania, *Annals of Tourism Research*, 2014, Vol. 44, pp. 20–35.
- Coast, E. *Maasai demography*. Diss. University of London, University College London, 2001.
- Conde Nast Traveller. *Last days of the Masai?* 2010. By Joshua Hammer. Available at: <http://www.cntraveler.com/stories/2010-10-19/last-days-of-the-masai> (Accessed 23 March 2017).
- Coppock, D.L. The Borana Plateau of southern Ethiopia: synthesis of pastoral research, development and change, 1980–1991, *Systems Study No. 5*. Addis Ababa: International Livestock Centre for Africa, 1994.
- Field, C.R., Moll, G., ole Sonkoi, C., Livestock Development, *Multiple Land-Use: The Experience of the Ngorongoro Conservation Area, Tanzania*. (Ed. D.M. Thompson). Gland, Switzerland and Cambridge, UK: IUCN, 1997, pp. 181–199.
- Fratkin E. Arid pastoralists of Northern Kenya: surviving drought and development in Africa's arid lands, *Cultural survival studies in ethnicity and change*. Needham Heights. Nass.: Allyn and Bacon, 1998.
- Fratkin E., Mearns R. Sustainability and pastoral livelihoods: lessons from East African Maasai and Mongolia, *Human Organization*, 2003, Vol. 62, no. 2, pp. 112–122.
- Galvin K., Thornton P., de Pinho J., Sutherland J., Boone R.B. Integrated modelling and its potential for resolving conflicts between conservation and people in the rangelands of East Africa, *Human Ecology*, 2006, Vol. 34, no. 2, pp. 155–183.
- Homewood K.M., Rodgers W.A. *Maasailand Ecology: Pastoralist Development & Wildlife Conservation in Ngorongoro, Tanzania*. Cambridge Studies in Applied Ecology & Resource Management. Cambridge: Cambridge University Press. Nairobi: Initiatives Publishers, 1991.

- Ikanda D., Packer C. Ritual vs. retaliatory killing of lions in the Ngorongoro Conservation Area. Tanzania, *Endangered Species Research*, 2008, Vol. 1, no. 6, pp. 67–74.
- Indigenous and Traditional Peoples and Protected Areas Principles, Guidelines and Case Studies*. Edited and coordinated by Javier Beltrán. Series Editor: Adrian Phillips World Commission on Protected Areas. Best Practice Protected Area Guidelines Series No. 4 IUCN. The World Conservation Union. 2000.
- IWGIA. *The indigenous world. A Yearbook*. 2016a.
- IWGIA Report 23. Tanzanian Pastoralists Threatened: Evictions, Human Rights Violations and Loss of Livelihoods. IWGIA with PINGO's Forum, PAICODEO and UCRT. 2016b. 91 pp.
- Lynn S.J. *Conservation policy and local ecology: Effects on Maasai land use patterns and human welfare in northern Tanzania*. M.S. thesis. Colorado State University, Colorado, 2000.
- Mearns R. *Contextual factors in the management of common grazing lands: lessons from Mongolia and Northwestern China*. World Bank, Washington DC, USA. Available at: <http://www.internationalgrasslands.org/files/igc/publications/2001/tema29-2.pdf> (Accessed 23 March 2017).
- Neumann, R.P. Land, justice and the politics of conservation in Tanzania, *People, Plants, and Justice: The politics of Nature Conservation*. Ch. Zerner ed. N.Y., Columbia University Press, 2000, pp. 117–133.
- Ngoitiko, M., M. Sinandei, P. Meitaya and F. Nelson. Pastoral activists: negotiating power imbalances in the Tanzanian Serengeti, Nelson, F. (ed.) *Community rights, conservation & contested land. The politics of natural resource governance in Africa*. London: Earthscan, 2010, pp. 269–289.
- Olenasha W., Seki W., Kaisoe M. *Case Study 4: Tanzania: The conflict between conventional conservation strategies and indigenous conservation systems. The Case study of Ngorongoro Conservation Area*. 2001. Available at: <http://www.forestpeoples.org> (Accessed 23 March 2017).
- Steen E. Drylands of the third world: potential for future development, *Ambio*, 1994, Vol. 23, pp. 458–460.
- Taraya G.N. The Legal Perspectives of the Maasai Culture, Customs, and Traditions, *Ariz. J. Int'l & Comp. Law*, 2004, Vol. 21, pp. 183–193.
- Thompson D.M. *Multiple Land-Use: The Experience of the Ngorongoro Conservation Area, Tanzania*. IUCN, Gland, Switzerland, and Cambridge, UK. 1997, pp. 417–440.
- TNRF & Maliasili Initiatives. Integrating pastoralist livelihoods and wildlife conservation? Options for land use and conflict resolution in Loliondo Division, Ngorongoro District. Arusha, Tanzania: Tanzania Natural Resource Forum (TNRF). 2011. Available at: <http://www.maliasili.org/technicalreports> (Accessed 23 March 2017).